

В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ. ВАНКУВЕР (1924–1929)

ПРИБЫТИЕ В НЬЮ-ЙОРК

16 января вечером я оставил Яффу и на пароходе «Елена» отправился в Америку. Путь лежал на Марсель – Париж – Шербург. В Шербурге пришлось ожидать парохода одиннадцать суток.

7 (20) февраля на громадном пароходе «Олимпик» мы вышли из Шербурга в Нью-Йорк. Несмотря на зимнее время, погода была относительно хорошая, и мы прибыли спокойно в Нью-Йорк 14 (27) февраля. А на второй день я уже был в Русской Миссии и пользовался радушным приемом митрополита Платона.*

У ВЛАДЫКИ ПЛАТОНА (РОЖДЕСТВЕНСКОГО)

В продолжение семнадцати дней я пользовался гостеприимством владыки митрополита Платона. В эти дни я ознакомился с громадным городом и ходил в различных направлениях. В праздничные дни участвовал в богослужении и делал визиты прежним знакомым по России, заводил и новые знакомства.

Вечерами я проводил время за разговорами с владыкой, сидя у камина. Владыка так сердечно отнёсся ко мне, что я чувствовал себя как в родном доме и вёл разговор просто и непринуждённо. Владыка тоже смотрел на меня как на близкого человека, как будто мы давным-давно знаем друг друга

* Платон (Рождественский; 1866–1934) – с 1907 г. архиепископ Алеутский и Северо-Американский. В 1909 г. был отозван в Россию, где возглавлял другие кафедры. С 1917 г. митрополит. В 1920 г. исполнял обязанности председателя ВВЦУ, которое направило его в 1921 г. в Северную Америку для расследования нестроений в Алеутской и Северо-Американской епархии. Узнав об этом, святитель Тихон согласился с этим назначением, что подтвердил своим указом в 1923 г. Митрополит Платон оставался законным главой Северо-Американской епархии вплоть до 1933 г., когда официально объявил о своём выходе из подчинения РПЦ. Митрополит Сергей (Страгородский) запретил его в священнослужении и назначил на его место митрополита Вениамина (Федченкова). Скончался, пребывая вне общения с Московской Патриархией.

и вспоминаем пережитые впечатления. Много говорил владыка о своей службе в разных местах, встречах с великими духовными и светскими людьми, о совместных делах с ними и об их отношении к нему.

Один рассказ владыки особенно врезался в мою память. Это рассказ о его сонном видении перед [вступительным] экзаменом в Академию (владыка Платон окончил Академию спустя несколько лет после этого). По окончании духовной семинарии он женился и был священником на приходе, но вскорости жена его умерла, и тогда он задумал поступить в Академию. О своём намерении он доложил епархиальному епископу, от которого не встретил сочувствия. Владыка ответил молодому священнику-вдовцу: «Это не так-то легко, как кажется. Вы думаете: тяляп, и вышел корабль».

Несмотря на такое отношение владыки к намерению молодого священника, он отправился в Киев и там встретился с ректором Академии, которому поведал о своём желании поступить в Академию и о трудностях в достижении этой цели. Ректор выслушал и посоветовал держать экзамен, добавив: «С помощью Божией выдержите».

– Я, – говорит митрополит Платон, – начал подчитывать, но надеялся только на помощь Божию, ибо всё забыл, что знал в семинарии. Больше всего я опасался экзамена по догматическому богословию. И вижу сон перед экзаменом. Незнакомый голос говорит мне и ободряет: «Тебе нечего опасаться, ты возьми билет и будешь отвечать о воскресении мёртвых». Проснувшись, я всесторонне изучил о воскресении мёртвых и, когда вышел экзаменоваться, то действительно взял этот билет. Я изложил это учение прекрасно, и ректор сделал мне замечание, что смирение иногда бывает паче гордости. После экзамена я сообщил ректору, что имел сообщение об этом билете в сонном видении, а посему разобрал его всесторонне.

Много говорил владыка о своих служебных делах, об отношении духовенства к народной жизни и даже о своей семейной жизни [в доме] отца и о первых годах служения священником.

МОЁ СЛУЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ

4 марта я получил первое назначение для исправления пастьерских обязанностей в небольшой городок Ошево в Канаде, штат Онтарио. Без знания языка я с трудом добрался на место своего служения 8 марта. В этом приходе я служил по 10 мая

и получил назначение в город Палмертон, штат Пенсильвания. На пути остановился в Детройте и виделся с епископом Аполлинарием и протоиереем П. Гавриловым.

Незнание языка причинило мне большую неприятность перед Детройтом. Полицейский попросил у меня документы. Я показал ему все необходимые документы, как проездные, так и мои личные, которые давали мне право на жизнь и переезды, а также удостоверяли мое служебное положение. Полицейскому пожелалось вступить со мной в разговор, но я не мог удовлетворить его желание. И вот тут-то и началась драма. Вероятно, во мне заподозрили вредного человека для страны, шпиона, и пригласили в железнодорожную контору. Там с помощью переводчика очень невежливо допрашивали около часа и намеревались было арестовать меня. И только благодаря тому, что я показал мое облачение и указал на необходимость службы на следующее утро вместе с епископом, меня отправили на их же автомобиле до русской церкви.

В Палмертон я прибыл 29 мая и приступил к отправлению моих пастырских обязанностей. Город и его окрестности произвели на меня хорошее впечатление, и я с большою охотой занялся было своими делами, но скоро получил назначение в Ванкувер в Британской Колумбии, на берегу Великого океана*, где никогда не было православного храма. Владыка митрополит и отправил меня туда для основания прихода и постройки храма, если это будет необходимо и найдутся средства.

Путь в Ванкувер был для незнающего английского языка весьма затруднительным. Ибо я должен был проехать весь Американский материк с берегов Атлантического океана до берегов Великого океана, побывать в мировых городах, таких как, например, Чикаго, Миннеаполис, Виннипег и других, и в некоторых из них делать пересадки на другие станции. Но с помощью Божией и благословением владыки митрополита Платона я выехал из Палмертона в 9:30 утра 12 (25) августа 1924 года.

По пути я останавливался в Чикаго и, особенно продолжительно, в Виннипеге. Здесь я познакомился со многими духовными лицами и светскими русскими беженцами и совершал несколько раз богослужение. 9 сентября по новому стилю я прибыл в Ванкувер и остановился на одну ночь в русском доме Дьяконова. На другой день переселился в комнатку на Ричард-

* Имеется ввиду Тихий океан.

стрит и отсюда начал развивать свою деятельность, знакомиться с городом и людьми и совершил первую службу – всенощное бдение в доме Дьяконова 14 сентября. Затем совершал богослужения в храме епископалов, в доме общества «У. М. С. А.» и много раз в доме П. Холе. С помощью господина Айвазова Г. П. Банкрофт и С. Д. Меркулова купили дом на 7-й Авеню Вест, 1570, куда я и переехал 5 ноября по новому стилю. Здесь я начал совершать богослужение и жить.

ЖИЗНЬ В КАНАДСКОМ ВАНКУВЕРЕ

Город Ванкувер в Британской Колумбии расположен на красивых берегах Великого океана, окаймлённый хвойным лесом, а далее закрывается с севера, востока и юго-востока высокими горами со снеговыми верхушками. На юго-восточной стороне, разрезая высокие горы, проходит красавица река Фрезер, которая впадает в море в южной оконечности Ванкувера.

Город молодой (в год моего прибытия ему было сорок с небольшим лет), но, несмотря на это, в нём числилось тогда двести сорок тысяч жителей. Как молодой город, торговый и приморский, он строится с широкими прямыми улицами и роскошными дорогами. Благодаря богатой растительности весь город украшен декоративными и фруктовыми растениями и роскошными цветниками. На трёх оконечностях его располагаются три чудных парка, где в летнее время жители Ванкувера и масса приезжих туристов проводят свободное время.

Особенно замечателен Стэнли-парк на берегу моря. Он занимает громадную площадь, покрытую девственным громадных размеров лесом различных пород. В этом парке довольно хороший зоологический отдел, где имеется громадного размера сибирский медведь, известный под именем Троцкий. Я слышал, что этот медведь – дар Советской России того времени, когда там властвовал еврей Лейба Троцкий, поэтому и медведь получил кличку Троцкий. В этом парке много площадок для всевозможных игр как для взрослых, так и для детей. К парку примыкает роскошный пляж, где в летнее время тысячи купающихся.

На южной побережной стороне, на громадном участке земли, помещается университет с многочисленными университетскими постройками и показательными куриными фермами. По всей площади пролегают в различных направлениях зигзагообразные дороги и дорожки между цветников и площадок. Здесь

можно видеть массу людей на автомобилях и просто гуляющих в праздничные дни, в особенности в летнее время.

В этом роскошном городе Канады суждено мне было жить и работать во славу Божию более пяти лет. В год моего приезда в Ванкувере было более восьми семейств беженцев из России, с которыми мы и начали обдумывать постройку нового храма. В Ванкувере проживало много бывших православных выходцев из России, Румынии, Сербии и Греции. Но, не имея никогда храма и православного священника, все они охладели, а некоторые совершенно отпали от храма. Но сила Божия в немощи проявляется, и я с помощью некоторых людей, и главным образом М. И. Айвазова, его супруги, Г. П. Банкрофт, госпожи Тодас, Г. Г. Алихан, господина Меркулова и других, устроил вначале храм в приобретённом доме. А помещение для меня было в верхнем этаже этого же дома. Далее я знакомился с прихожанами. Затем начали приезжать русские беженцы из Китая, и наша община всё более увеличивалась, и положение храма укреплялось.

ПОСТРОЙКА ХРАМА ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

В 1926 году её величество королева Румынии Мария посетила город Ванкувер. Продолжительный разговор с королевой очень поднял меня в глазах горожан, и мы с помощниками и церковным комитетом начали подумывать о постройке нового храма.

Приезд в Ванкувер С. В. Рахманинова ещё более поднял мой авторитет в городе. Ибо этот мировой композитор осчастливил меня своим посещением и продолжительной беседой о постройке храма. И я был уверен в моем успехе. Но тут-то Господь и смирил меня неожиданным испытанием. В Ванкувер прибыли новые беженцы, и один из них с рекомендательным письмом одного из харбинских владык. Я был весьма обрадован неожиданной поддержкой в лице рекомендуемого русского человека. С помощью его и для облегчения моего труда я открыл братство и передал все денежные дела ему.

Взяв главную силу в руки, братство начало вести дела в другом направлении и о храме совершенно не думало. И все те денежные средства, которые были собраны с большим усилием и благодаря более чем скромному образу жизни моей, почти голодовке, были израсходованы на другие потребности.

И в заключение главные возмутители надумывали обратить дом на другие потребности. С большою неприятностью, но с помощью Божией и господина Меркулова удалось мне устранить смутьянов и снова взять всё дело в свои руки.

Испытание Божие закончилось, и снова началась созидательная работа. Снова начали поддерживать святое дело прежние помощники. И, при сочувствии Епископальной Церкви и горожан, 25 ноября 1928 года мы праздновали день закладки храма во имя Воскресения Христова, первого православного храма в городе Ванкувере и во всей Британской Колумбии.

После закладки храма работа пошла успешнее. С помощью Божией я располагал людей к пожертвованию, иностранцы отозвались на нашу нужду, и я собрал около двух тысяч долларов. К августу 1929 года постройка храма была закончена, и по благословению владыки митрополита Платона было назначено освящение храма на 4 августа нового стиля.

ПРОПОВЕДЬ В ДЕНЬ ОСВЯЩЕНИЯ ВОСКРЕСЕНСКОГО ХРАМА В ВАНКУВЕРЕ (4 августа нового стиля 1929 года)

«Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный!»

Дорогие братья и сестры! Мы счастливы, что Милосердый Господь удостоил нас быть причастными небывалого православного торжества в Британской Колумбии. Ныне освящён первый православный храм в честь и славу Христова Воскресения. Ныне мы сподобились в первый раз слышать и видеть торжественное богослужение, совершаемое первосвятителем Северо-Американской Православной Русской Церкви высокопреосвященнейшим митрополитом всея Америки и Канады Платоном в сослужении преосвящённых владык и сонма духовенства. Ныне мы кладем твёрдую основу православия в Британской Колумбии, гостеприимно приютившей нас после долгого бездомного скитальчества по чужим странам. «Сей день, его же сотвори Господь!» Благословение Божие видимо сопутствует нам в нашей новой отчизне.

Перенесёмся мысленно на пять лет назад и вспомним, какую мрачную и безнадежную картину представляла наша русская православная община. Старые эмигранты, не имевшие своего храма, совершенно заглушили в себе духовные потребности, а новая эмиграция была очень малочисленна, бедна,

слаба. Но сила-то Божия и проявилась в немощи. Она открыла двери сердца братий наших, канадских граждан, и расположила их к нашему святому делу.

Первым исполнителем воли Божией явился М. И. Айвазов, который вместе со своей супругой много тратит времени, сил и материальных средств на это святое дело. Храм Воскресения Христова привлёк к созиданию его и греков с их представителем господином Банкрофт, и сербов, и румын, и многих из инославных города Ванкувер. И дело Божие росло и завершилось этим великолепным храмом. И это ли не дело Божие? Разве не сила Божия привлекла внимание иностранцев и открыла сердца их для любви к бедствующим братьям русским?

Сейчас мы видим представителей Церкви Английской, власти, города и многих горожан. И неужели привело их сюда простое любопытство? Все они – люди со средствами и вкусом к духовным наслаждениям. И они могли бы найти другие пути к удовлетворению своих нравственных запросов. Но мы видим их среди нас. Они не понимают нашего языка и только сердцем чувствуют нашу радость и разделяют её с нами. Мы видели их поддержку в начале нашего дела, видели их при закладке этого храма, чувствовали их сердечное, братское отношение к нам. И нам остаётся только кланяться им и благодарить их.

Друзья мои, братья и сестры! При первом моём служении в городе Ванкувере пять лет тому назад я говорил вам о моих душевных переживаниях в городе Иерусалиме, в храме Гроба Господня, где возносятся молитвы к Воскресшему Господу всеми народами мира и на разных языках. И там, под куполом храма, эти бесчисленные разнообразные молитвы сливаются в одну общую сильную молитву, которая и восходит, как мне представлялось, к Престолу Всемогущего Господа, и молит Его о мире и благосостоянии всего мира. Это переживание и послужило причиной посвящения нашего храма в честь и память всеславного Воскресения Христова.

Ибо город Ванкувер и вся Британская Колумбия приютили много разнообразных православных народов, храм же православный появился единственный. Теперь мы дожили до нашей радости! Имеем православный храм в честь и память Всеславного Воскресения Христова. Будем же молиться, чтобы любовь Божия пребывала с нами, и чтобы под этим святым куполом объединялись, как в Иерусалимском храме, все наши молитвы, шли к Престолу Всемогущего Бога и молили Его объединить всех нас

Его Божественною любовью, и чтобы мы славили Его Божественное всеславное Воскресение нашей христианской жизнью.

Аминь

АЛЯСКА (1929–1934)

В этой части помещены воспоминания, относящиеся ко времени пребывания владыки Антонина на Аляске, сначала как настоятеля собора в Ситке, а с 11 октября 1930 года как епископа.

НАСТОЯТЕЛЬ СОБОРА. ПРИБЫТИЕ В СИТКУ

В декабре 1929 года я получил назначение на Аляску настоятелем ситкинского Михаило-Архангельского собора, куда и прибыл к празднику Рождества Христова 2 января 1930 года по новому стилю. Было холодно. Падал густой снег, и сильная метель загнала всю публику, встречающую пароход, под навесы портовых построек. Я был встречен протоиереем Г. Прозоровым и иеродиаконом Антонием (Кондауровым).

Город Ситка произвел на меня впечатление небольшого торгового местечка, в центре которого расположен храм крестообразной формы с башенными часами и великолепным шпилем, увенчанным восьмиконечным крестом. С пристани идёт одна дорога, извиваясь по берегу, через весь город, мимо храма. По сторонам её расположены городские учреждения и торговые лавки. Эта же дорога привела нас к архиерейскому дому, находящемуся на берегу моря.

Храм и дом вызвали во мне глубокое чувство благоговения и радости, ибо это были чисто русские здания из круглого массивного леса. А главное, они напоминали мощную фигуру основателя их, приснопамятного миссионера отца Иоанна Вениаминова, впоследствии Московского митрополита Иннокентия.

Всматриваюсь детально в эти знаменитые постройки, и чувство радости переходит в печаль. Большой архиерейский дом, как старый инвалид, отслуживший свою службу царю и Отечеству, ожидает своей кончины. Одна сторона дома осела, и когда-то красивый парадный вход с роскошными дверями искривился, двери и окна дома тоже осели. Некоторые окна стоят открытыми, а другие с силой не откроешь.

Внутренность дома производит прежнее впечатление величия своей обстановкой: чудными киотами и иконами в них,

коврами, портретами государей российских и президентов Соединенных Штатов, знаменитых завоевателей Аляски, епископов и миссионеров, в центре которых выделяется портрет художественной работы в роскошной раме митрополита Иннокентия, и старинным русским расположением комнат. И чудится тебе, что вот-вот выйдет из какой-нибудь двери знаменитый Иннокентий...

СИТКИНСКИЙ ХРАМ

Все место усадьбы с домами и внутренний вид архиерейского дома производят впечатление усадьбы, оставленной много лет тому назад в том виде, в каком она находилась в момент выезда последнего хозяина. Храм перестроен в 1846 году и отремонтирован при епископе Филиппе*, но и в настоящее время требует о себе забот. Внутренность храма напоминает вполне богатую московскую старую церковь. В нём все иконы художественно-церковной работы, между которыми выделяется икона Казанской Божией Матери работы известного русского художника Боровиковского.

Эта икона в настоящее время имеет большую ценность. Много лет тому назад Г. Морган предлагал за неё 25 тысяч долларов, а затем 35 тысяч. А в 1931 году один из миллиардеров предлагал за эту икону 40 тысяч долларов. Кроме этой иконы, в храме находится много картин библейского характера из Московского Румянцевского музея.

Много икон художественных и в художественных же ризах серебро-позлащённых. Одна икона, Благовещение Божией Матери, вырезана из слоновой кости. Все на престольные вещи: кресты, Евангелия, дароносицы, дарохранительницы, евхаристические сосуды, венцы, приборы для благословения хлебов – все из массивного серебра с позолотой. Старинная ризница из серебряной парчи, между которой выделяется митра митрополита Иннокентия, шитая жемчугом и украшенная настоящими цветными сибирскими камнями.

Ситкинский храм можно назвать первым русским храмом в Америке по архитектуре и всем драгоценным картинам, ико-

* Филипп (Ставицкий; 1884–1952) был епископом Аляскинским, викарием Алеутской епархии с 1916 г. В 1917 г. отбыл в Россию, хотя продолжал именоваться епископом Аляскинским вплоть до 1919 г.

нам и вещам. По нем можно изучать русских людей по вере, по отношению к храму и художественному вкусу в постройке храмов, [по] украшению их и изображению икон и картин. Ежегодно ситкинский храм посещают более трёх тысяч туристов и подолгу рассматривают достопримечательности храма, а религиозные католички проливают слезы в молитве перед иконой Казанской Божией Матери.

Население Ситки и близлежащих островов состоит главным образом из индейцев разных христианских вероисповеданий. Большая часть из них православные. Храм они любят и посещают его во все праздники. Очень любят петь и с удовольствием слушают поучения и лекции. Лекции Ситка устраивались еженедельно по вечерам и продолжались не менее двух часов, а иногда и более трёх часов. Во время лекций они переспрашивают, если чего-нибудь не понимают, и приводят примеры из своей собственной жизни на тему лекции.

В перерывах лекций они поют все, и очень стройно, что-нибудь из церковных песнопений. Слух у индейцев очень хороший, и они изучают без нот иногда сложные и трудные песнопения. Но замечательно то, что индейцы не говорят по-русски, а поют в храме и на собраниях по-русски, и даже с выражением. В Ситке я служил до моей епископской хиротонии около года и в это время побывал и на островах, прилегающих к острову Баранова, на котором находится город Ситка.

РЕЧЬ ПРИ НАРЕЧЕНИИ ВО ЕПИСКОПА СИТКИНСКОГО

Богомудрые отцы, святители Христовы!

Благодать Божия через ваше избрание и наречение привела меня к той степени священства, к которой я относился с детских лет с великим благоговением. Благоговейное чувство к великому сану епископа так умаляло меня, что я не смел смотреть прямо в глаза святителя Христова и всегда преклонял мою грешную голову пред его святостью. В мою ещё детскую голову вошло понятие о епископе как о сверхчеловеке и немного умалённом перед Ангелами. Это Ангел на земле.

С таким понятием о епископе я рос, жил и в данное время предстою перед вами и смотрю на вас. Высота вашего служения повергает меня в прах. Я стою пред вами, богатыми дарами и милостью Божией, как нищий, не имеющий даже и необходимого

покрова. Ваше величие приводит меня в трепет и ужас. Я думал и думаю: как же я, многогрешный, смею стать на вашем амвоне в ряд с вами? Как я смею перейти великую пропасть, разделяющую нас? Ведь такие великие святители, столпы Церкви Христовой, как Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, и те считали себя недостойными этого великого сана. И вдруг я – я, обременённый грехи многими! – я стою у святых врат и дерзаю внити во внутренняя Святая святых.

Более тридцати пяти лет возношу я молитву у престола Всемогущего Бога за вся люди и за своё достоинство, и с каждым годом, даже месяцем и днём я ожидал своего нравственного совершенства и сознания, что я постыдно священнодействую. Но, наоборот, чем далее идёт время, тем выше и святее представляется мне служение, к которому я, грешный, приступаю сейчас, стоя перед вами, богомудрые отцы мои. Чем я могу похвалиться, кроме немощей моих?

Святой апостол Павел говорит: «Аще епископства желаешь – доброго дела желаешь». Но есть ли это желание опора и утешение грешных людей? Я желаю более двадцати лет, со времени смерти моей подруги жизни, но желаю и страшусь... Меня пугает мысль: смогу ли я устоять на том свечнике, на который меня ведёт Промысл Божий? Буду ли я образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте, как повелевает апостол Павел? И, о Боже Всемогущий, Ты призываешь меня, немощного, в то время, когда требуются богодухновенные Василий, Григорий, Николай и Золотые уста Иоанна! И я более прихожу в ужас и трепет...

Но, хотя и с трепетным сердцем, я всё же предстою с преклонённой главой моей перед вами, святители Божии, и глубоко верую во всемогущество Божие. Я убежден, что я только орудие всесильной благодати Божией, проявляемой в немощах. Ибо пройденный путь моей жизни ясно подтверждает Промысл Божий о мне. Вся мою жизнь я чувствую и сознаю моё достоинство, но Десница Всевышнего вела меня от силы в силу. Теперь мое достоинство приводится к великому епископскому служению...

Я преклоняюсь перед всесильною Десницей Божией и смиренно реку: «Буди воля Твоя, Господи, на мне». Вас же, богомудрые святители Божии, молю: не оставьте меня вашими святыми молитвами и опытным руководством, дабы непостыдно

проходилось великое моё служение во славу Божию и Его Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Аминь.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ СЫНА, ПРИСЛАННОЕ С АЛЯСКИ

В этот великий мой день я получил массу личных поздравлений, письменных и телеграфных сообщений от моих друзей и доброжелателей, русских и иностранцев, с пожеланием долголетнего полезного служения Церкви Божией. Но из всех приветствий было особенно близко моему сердцу приветствие моего единственного сына, который не присутствовал на торжестве хиротонии и прислал по почте свое поздравление, которое я и привожу здесь:

«Его Преосвященству, епископу Ситкинскому Антонину

С чувством глубокого духовного трепета из глухих рыболовных и охотничьих дебрей Аляски шлю Вам, дорогой епископ и отец, мой привет и искренне поздравление с принятием таинства святой хиротонии.

Мне хорошо известно, как много Вы думали, молились, решались и вновь отказывались от принятия великого подвига святительского служения. Мне хорошо известно, сколько бессонных ночей Вы провели в тревожных думах о высоте Вашего служения и Вашей недостойности и неподготовленности принять его. Мне хорошо известно, в каком высоком религиозном настроении Вы пребывали с момента окончательного решения и с каким религиозным трепетом ехали на принятие великого служения. Но воля Всевышнего свершилась. Сегодня Святой и Благодетельный Дух почил на Вас, Ваша новая миссия началась.

Что я, многогрешный, могу пожелать Вам? Мне вспоминается много лет назад данное Ваше напутствие в жизнь мне. Ваш приказ, когда я ещё желторотым птенцом вступал на служение своему государю и родному флоту. Вы сказали мне: «Будь честен и исполняй свой долг. Будь требователен, но не будь жесток. Будь всегда человеком».

Теперь, когда настало время для меня высказать своё пожелание Вам и зная Вашу душу, насколько может из человека знать токмо сын, зная Ваше прошлое бескорыстное служение Церкви и человеку, я не осмеливаюсь повторить Ваши глубоко запавшие мне в душу слова, ибо пред лицом Родины Вы выполнили Ваш долг гражданина, о чём свидетельствуют многие

гражданские и высокие воинские знаки отличия. Пред лицом ближнего Вы выполнили Ваш долг человека и пастыря, о чём свидетельствуют многочисленные сердечные переписки с Вами лиц, разбросанных по всему миру. Ваша честность не подлечит оспариванию даже у Ваших недоброжелателей – сыновей и дочерей диавола, пытавшихся и пытающихся наивно загрязнить Ваше чистое имя всякого рода мерзкими вымыслами. Всюду, где бы Вы ни прошли, Вы – созидали.

Всюду, где бы Вы ни жили, Вы оставляли добрую тёплую память среди добрых, честных людей, не зависящих от национальности или вероисповедания. Что же я могу пожелать Вам? Будьте, дорогой отец и епископ, таким, каким Вы были всегда. Идите с миром и творите и созидайте на пользу и славу Церкви Христовой и страдающего, немощного, заблудшего человека. Идите и не убойтесь ничего, Святой Отец и Сын и Дух Премудрый да пребудут с Вами.

Ваш недостойный и многогрешный сын Александр».

ПУТЕШЕСТВИЕ В АНГУН

Такие миссионерские путешествия практикуются на Аляске с первых времён появления здесь христианства, и они производят сильное религиозное впечатление. Во время путешествия все сопровождающие поют церковные песнопения или ведут религиозно-нравственные разговоры. Когда подходят миссионерские боты к селению или городу, днём или ночью, непременно поют церковные песнопения, и жители селения встречают миссионеров и их сопровождающих также с пением церковным. Этот обычай особенно сильное впечатление производит в тёмную ночь, когда вы не видите ничего на берегу и только доносится до слуха вашего умирительное Божественное пение.

Так шли и мы в Ангун. Прибыли мы в Ангун в 10:30 вечера, были встречены пением всего населения и с пристани прошли во вновь строящийся храм. После краткого молитвословия и приветственного слова я и все сопровождающие прошли в отведённые для нас квартиры.

8/21 января. Среда. В 12 часов дня совершено водоосвящение, а в 6 часов вечера всенощное бдение, после которого исповедовались 55 человек.

9/22 января. Четверг. Совершена Божественная литургия, во время которой были приняты в члены Иоанно-Крестительского братства несколько человек мужчин и женщин. Были

приобщены Святых Таин все исповедовавшиеся, и в конце литургии сказано слово об обязанностях членов братства и о борьбе с пьянством и развратом.

Вечером было большое собрание в зале «Сэлвейшн Арми», любезно предложенном мне капитаном. Велась беседа на тему «Святой Иоанн Креститель – аскет, монах и великий постник». В этой беседе была раскрыта жизнь святого Предтечи Господня с детских лет его жизни, когда он вместе с матерью его Елизаветой удалился в пустыню и жил в пещере, вдали от людей, среди зверей в дикой пустыне, где и закалялся великий дух Крестителя Господня до явления его в пустыне Иорданской с громкой речью о покаянии и подготовке к встрече Господа.

Как сама пустыня и пещера, в которой жил пророк Божий, так и вся Палестина известны мне, ибо я прошёл все святые места пешком, а посему беседа велась сердечно, и слушатели мои внимали моим словам с большим интересом.

Беседа произвела сильное впечатление на всех слушателей, и со всех концов зала, от православных и иноверцев, выражались благодарность и полное духовное удовлетворение живой беседой, не слышанной ими ранее. Ситкинцы были в восторге и, видимо, возгордились успехом.

В ХУНЕ

10/23 января. Пятница. В 10:30 утра, сопровождаемые всем населением, мы вышли из Агуна в Хуну. Погода была хорошая для плавания, но к вечеру усилился ветер и начало сильно качать. Когда наступила ночь, наш бот начало бросать из стороны в сторону, и мы почувствовали, что идём не по правильному курсу. Наконец послышался толчок в носовой части киля, затем второй, третий, и киль заскрежетал по скале. Все выскочили на палубу, и видно было, что наш бот повёртывается то на один бок, то на другой.

К счастью, наш второй бот прислал спасательную шлюпку, и, несмотря на бьющиеся волны, начали поспешно высаживать детей и женщин. Я не рассчитывал попасть на шлюпку, ибо она была очень мала и в бурную погоду не могла скоро перевозить, а посему приготовился надеть спасательный пояс и, когда перевернётся бот, броситься в море. Но бот медленно поварачивался с боку на бок, и мы все успели высадиться на второй бот и на нём успешно отправились в Хуну.

По прибытии в Хуну сейчас же были отправлены четыре бота для спасения погибающего судна и к утру привели его в порт Хуны. Всё оказалось у нас в сохранности, и только пострадал я ушибом руки, и некоторые женщины получили лёгкие ушибы при пересадке на другой бот.

В Хуне ожидали нас и встретили с большой радостью. Здесь мы пробыли около десяти дней. Ежедневно совершались богослужения, велись беседы и выполнялись требы и святые таинства: крещения, миропомазания, исповеди и причащения.

В первой лекции была проведена мысль, что все добрые дела совершаются при помощи Божией и человек есть орудие всемогущей благодати Божией, поэтому он не должен превозноситься успехами добрых дел, а смиренно благодарить Бога за то, что он удостоен быть орудием спасительной благодати Божией. Наше крушение на море служит доказательством того, что мы такая ничтожная сила, что и себя-то не можем спасти без силы Божией, а не только других. Нахлынула волна, погрузила бы нас в пучину морскую, и от нас не осталось бы и следа.

Сейчас мы выполняем нашу миссионерскую работу среди православных, пресвитериан и [членов] «Сэлвейшн Арми», и для этой-то работы и сохранена нам наша жизнь, и вы, друзья мои хуновцы, видите в нашем спасении Промысл Божий о вашем спасении.

11/24 января. Суббота. Совершено в храме святителя Николая всенощное бдение и после него исповедь семидесяти человек.

12/25 января. Воскресенье. В том же храме совершена Божественная литургия. После малого входа присоединено четыре человека к Православной Церкви. Причащение всех исповедовавшихся и обращённых в Православие. Слово на текст «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное». Вечером собрание до 200 человек: православных, пресвитериан и [членов] «Сэлвейшн Арми». Читалась вышеприведенная лекция о Промысле Божиим.

13/26 января. Понедельник. Совершено всенощное бдение и исповедь двенадцати человек.

14/27 января. Вторник. Совершена Божественная литургия, во время которой было присоединено к Православной Церкви шесть человек и сказано слово о таинствах, которых они удостоились, присоединившись к Православию.

Вечером собралось на митинг до 250 человек православных, пресвитериан и [членов] «Сэлвейшн Арми». Беседовали об учении Православной Церкви, об отличии его и преимуществах перед всеми инославными учениями и сектантскими заблуждениями. Эта лекция была понята надлежащим образом, и по поводу преимущества православного учения говорили многие индейцы. Из всех ответных речей выдавалась речь одного вновь присоединённого к Православной Церкви индейца. Он сказал приблизительно следующее:

«Сегодня я переживал небывалую радость. Я точно вновь родился. До настоящего времени я находился точно в сонном состоянии, и меня мучила мысль, что я ленивый и лукавый раб, зарывший в землю талант, данный мне Богом, как об этом рассказывается в слове Божиим. Мой отец и я были членами «Сэлвейшн Арми». Когда мой отец был уже при смерти и не мог говорить, он знаками подозвал меня и попросил принести икону. Я понял его просьбу и принёс икону, которую отец целовал и знаками же говорил со мною, что он прожил целый век, блуждая впотьмах, не иди и ты моим путем.

Отец умер, и я начал думать об обращении в Православную Церковь. И когда я услышал, что к нам скоро прибудет православный епископ из Ситки, я решил, что Милостивый Господь услышал мои скорби и моления и зовёт мою грешную душу на путь спасения, и сейчас же решил просить вас, владыко, присоединить меня к Православной Церкви. Сегодня я присоединён к вам, дорогие мои братья и сестры. Душа моя переполнена радостью, и я вместе с вами благодарю Господа за Его милость к нам, грешным, и сердечно благодарю нашего епископа, что он с риском для своей жизни прибыл к нам».

15/28 января. Среда. Совершено всенощное бдение, после которого исповедовались шесть человек, изъявивших желание присоединиться к Православной Церкви.

16/29 января. Четверг. Совершена Божественная литургия, во время которой присоединены к Православной Церкви шесть человек. По окончании богослужения – слово к новообращённым о том, что они познали истинный путь в ограду Церкви Христовой и должны твёрдо держаться православного учения.

17/30 января. Пятница. Обед Православного братства Святого Креста в городском зале. Присутствовало до 350 человек. Говорились речи религиозно-нравственные. Я говорил о Кресте – символе нашего спасения, и что с Креста слышались

и завещались Божественная любовь и всепрощение: «Вы не слышите стонов и проклятий Страдальца, но слышите молитву к Отцу Небесному: Отче, отпусти им не ведят бо, что творят (Лк. 23, 34). Все последователи Христа, а тем более вы, находящиеся под покровом Креста, должны быть полны любовью и нести её в мир».

Вечером того же дня на собрании 200 человек беседовали о молитве.

19 января/1 февраля. Воскресенье. Праздничное богослужение, во время которого присоединён к Православной Церкви один взрослый из пресвитериан. Было сказано слово о смиренной молитве.

Вечером было самое многолюдное собрание – около 350 человек православных, пресвитериан и [членов] «Сэлвейшн Арми». Беседа велась о христианской любви, которая проявляется в братском отношении ко всем людям, не разбираясь в их национальном и сословном происхождении и не спрашивая их исповеданий и религиозных убеждений. Таковою любовью отличается православное христианское учение. И я, прощаясь, сказал: «Дорогие братия и сестры, завещаю вам такую любовь. Она сольёт нас в одну семью, и будет едино стадо и един пастырь».

В течение всех дней, проведённых в Хуне, было присоединено к Православной Христианской Церкви из пресвитерианства и [членов] «Сэлвейшн Арми» до двадцати взрослых и семь малолетних детей.

20 января/2 февраля. Понедельник. В 7:30 утра, сопровождаемые всеми православными хуновцами, напутствуемые благопожеланиями, при пении «Спаси, Господи, люди Твоя» мы отправились от пристани Хуны для следования в Ситку, куда и прибыли благополучно во вторник, в четыре часа утра 21/3 февраля.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СИТКУ

26 января/8 февраля. Воскресенье. В ситкинском соборе совершено праздничное богослужение, во время которого сказано поучение об искреннем, сердечном покаянии, подобном покаянию евангельского блудного сына.

На вечернее собрание прибыло около 150 человек, которые с большим интересом слушали беседу о впечатлениях, полученных нами от посещения Ангуна и Хуны, о нашем спасении

на море и беседах, проведённых в Ангуне и Хуне, после которых было присоединено к Православию 27 человек. Эта беседа была несколько раз прерываема пением благодарственных молитвословий Господу Богу. Собрание продолжалось около трёх часов.

29 января/11 февраля. Среда. Совершено заупокойное богослужение с погребением тела почившего почтенного церковного старосты П. И. Костромитинова. Сказано слово на текст Блаженны... умирающие в Господе (Откр. 14, 13).

1/14 февраля. Суббота. Совершено заупокойное богослужение с панихидою.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЛЯСКЕ

Праздник Святой Пасхи я проводил в городе Ситке, а по окончании Пасхальной недели отбыл по городам и селениям Аляски для обозрения храмов и знакомства с православными людьми Аляски.

Первое знакомство с Аляской оставило в душе моей много приятных, но ещё более скорбных впечатлений. В этот год я посетил все селения и города, начиная с Корды и кончая Аткой. Побывал на Кенайском полуострове и поднимался вверх по реке Суситне. Здесь я остановился в одном селении, в котором не было православного священника более двадцати лет, но жители остались православными и весьма были обрадованы моим посещением. Посетил я некоторые места, в которых никогда не видели епископа, и жители всех возрастов стремительно сбежались на пристань для встречи меня и получения благословения. Во всех селениях я совершал богослужения, святыя таинства и требы.

В месяце декабре я должен был оставить Ситку и следовать в Уналашку. Вместе со мною отправились мой сын А. А. Покровский-Уайт, отец иеромонах Антоний Кандауров и верный пёс Гарсон. Началась дурная погода, и мы шли от Ситки до Уналашки около 14 суток вместо 9. В продолжение всего пути я, отец Антоний и Гарсон лежали и почти ничего не ели.

Прибыли в Уналашку 24 декабря в ночь на Рождество по новому стилю. Провели праздники в Уналашке, а к Великому посту я отправился на остров Атку. Бот был небольшой, под названием «Юнис», но погода стояла сносная, и мы кое-как пробирались к цели нашего назначения. Прошли благополучно остров Умнак и селение Никольское. Шли ночью неплохо, хотя

покачивало. Утром встали и уже начали завтракать, как послышался не особенно сильный треск, и машина начала усиленно работать, но впустую...

Оказалось, что сломался вал, на котором укреплен пропеллер, и выдвинулся к рулю. Руль тоже прекратил работать, и мы остались без руля и без машины среди моря при ветре и в тумане. К счастью, «Юнис» управлялся отважным капитаном А. Нельсоном, который прекрасно знал море, но всё же во время тумана не мог определить места, где мы находились. На пароходе находилось несколько пассажиров. Некоторые из них чувствовали, что мы должны погибнуть. И один из них перепугался и дрожащим голосом спрашивает капитана:

– Что я буду делать?

Нельсон флегматично ответил:

– Ложитесь на койку и спите.

Я не видел гибели, но был уверен, что мы не скоро вернёмся в Уналашку. Мне казалось, что мы не погибнем, а пройдем по ветру к Японии или каким-нибудь азиатским берегам. Провизии было достаточно, и я беспокоился только о том, что мой сын и все уналашкинцы будут беспокоиться за нас, не зная, где мы находимся.

К вечеру того же дня в тумане начали вырисовываться горы острова Амля. Когда капитан узнал его, то был сильно обрадован. Он тоже опасался, как я потом узнал, как бы в тумане не пройти остров Амля, который был последний к Великому океану. И тогда мы пошли [бы] по ветру, но не к Японии или к берегам азиатским, как я предполагал, а к гибели, ибо наш маленький ботик не в силах был бороться с океанскими волнами, и тем более во время бури.

Все были обрадованы, увидев остров, но эта радость не была полная, ибо подойти к нему мы не могли, опасаясь разбиться о скалы. Тут был проявлен гений капитана Нельсона, и он все свои знания приложил, чтобы направить бот вдоль берегов острова Амля к острову Атка, который находился от нас в сорока милях. С помощью одного рваного паруса капитан лавировал возле берега, то приближаясь к нему, то удаляясь. И таким образом мы продвигались постепенно к острову Атка.

После четырёх дней мы приблизились к острову, но при входе в бухту находится скала, которая свободно обходится в хорошую погоду и с помощью руля и машины. А мы не имели ни того ни другого, и, к несчастью, оказался сильный шторм... Капитан

отдал якорь, но сильным ветром потянуло нас вместе с якорем на скалу... Гибель неминуема, и капитан дал сигнал о гибели, поспешно спустил шлюпку и всех нас высадил в неё. И мы, подбрасываемые волнами, все мокрые, начали отходить от бота «Юнис», на котором остался капитан Нельсон.

Жители селения Атка услышали наш сигнал о гибели и поспешно выслали маленькие ботики, но они не смогли оказать никакой помощи «Юнису». Мы с помощью Божией догребли до селения, и та же помощь Божия спасла «Юнис» и капитана Нельсона. Ветер изменил направление, и бот отодвинулся от скалы и был притащен в бухту.

Жители селения Атка были весьма обрадованы, и все прибыли в храм благодарить Господа за наше спасение.

В селении Атка нет телеграфа и нет бота, на котором могли бы отправить сообщение в Уналашку, что мы находимся в Атке и прибыть не можем, ибо наш бот «Юнис» совершенно попорчен и самостоятельно не может выйти. Мои опасения за близких наших были совершенно правильны. Не дождавшись обратного возвращения бота и не получив никаких сведений о нас, мой сын и все уналашкинцы дали знать в Джуно и Сиэтл о безызвестном пребывании бота «Юнис» в Беринговом море. Из Джуно был отправлен правительственный бот на поиски «Юниса», который и прибыл в Атку в конце месяца марта и взял бот и некоторых людей в Уналашку, а я остался встречать праздник Пасхи в селении Атка.

НА ОСТРОВЕ АТКА

Великий пост и Святую Пасху 1932 года я провёл в небольшом селении, состоящем из двадцати двух домов, на острове Атка. Жители этого селения все православные христиане, за исключением учительницы и жены приказчика торгового дома.

В Атке имеется новый небольшой, но чистенький, вполне благоустроенный, с достаточной утварью богато украшенный коврами храм. Несмотря на неблагоприятные условия, в которых находится Православие в настоящее время, алеуты сохранили все обряды и даже напевы старой православной России.

С великим трудом и опасностью для жизни прибыл я на остров Атку. Но эти трудности были вознаграждены высоким духовным наслаждением, которое я переживал в дни Святой Четыредесятницы, Страстной седмицы и особенно в Светлый

день Христова Воскресения. Атка напомнила мне Россию! Да, Россию-то прежних лет, когда благочестие стояло высоко и означенные воспоминаемые дни проводились в строгом посте, молитве и торжественном, продолжительном богослужении! Все это я встретил на Аляске и был поражён, что алеуты, в большинстве не говорящие и не понимающие русского языка, ничуть не обременяются продолжительностью богослужения, совершаемого на славянском языке. И сами хорошо поют и читают даже с выражением.

Богослужение совершалось ежедневно всю Четыредесятницу и Страстную седмицу. И почти всё население: мужчины, женщины и дети посещали богослужения. Страстная седмица прошла особенно заметно богослужениями и приготовлениями к великому дню Святой Пасхи. Всё чистилось и вымывалось: и храм, и дома, и даже улицы. К субботе всё приняло праздничный вид. И в семь часов вечера началось чтение Деяний святых апостолов.

В 12 часов ночи залповые выстрелы из винтовок и торжественный красный звон возвестили о моменте Воскресения Господня, и началось торжественное богослужение с крестным ходом вокруг храма со стройным громогласным пением стихир «Воскресение Твое, Христе Спасе».

Всё богослужение совершалось по уставу. Пели на двух клиросах. А величание Пасхи было пропето посередине храма обоими клиросами с участием епископа. Окончилось богослужение в 4:30 утра освящением артоса и куличей.

Все дни недели совершалось богослужение, и нигде не было слышно ни пения светских песен, ни музыки. Все были полны радости Христова Воскресения и с большим вниманием и усердием посещали богослужения и беседы о Воскресении Христа и тех великих милостях роду человеческому, ради которых Сын Божий пришёл в этот мир.

Проводивши все пасхальные праздники, я прибыл на рыболовном судне «Умнак» в селение Илилюк на острове Уналашка.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЛЯСКЕ

В июне месяце я возвратился в Уналашку и снова отправился по островам, а затем в Бристоль Бей*, где посетил более десяти селений, передвигаясь с места на место на рыбачьих

* Бристольский залив.

ботах. Возвратился я в Уналашку в конце сентября, пройдя в продолжение трёх месяцев более шести тысяч миль. Этим закончилось моё второе путешествие по Аляске.

По возвращении в Уналашку я заболел ревматизмом и в ноябре отправился на остров Акутан покупать в горячих ключах. Но поездка на Акутан ещё более усилила мои страдания, ибо на острове хотя и имеются горячие ключи, но нет никакого устройства, и жить там негде. А ходить из селения в зимнее время нет никакой возможности с больными ногами. Ключи находятся на полугоре за перевалом от селения, и всходить на гору и спускаться небезопасно. Я принял несколько ванн из воды, принесенной из ключей, [но только] больше простудил ноги и возвратился в Уналашку совершенно больной.

В декабре я почувствовал облегчение и начал обдумывать поездку на остров Атка с тем, чтобы провести там зимние месяцы в более удобном и тёплом помещении...

Я ВНОВЬ ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПУТЬ

19 января 1933 года, в тихий ясный день, напутствуемый колокольным звоном уналашкинской Вознесенской Церкви, на борту дизельного бота «Умнак Нэйтив» я вышел для обозрения церквей на Алеутских островах и главным образом для личных переговоров с членами Аляскинской Церкви об устройстве школы и приюта для сирот епархии, из которых способнейшие подготовлялись бы на священно-церковнослужительские места Аляски.

Бот был [под] командой умнакского креола Станкса. На борту, кроме меня, находились: диакон Михаил Тютяков, капитан погибшего бота «Юнис» А. Нельсон, жена капитана Станкса с дочерью четырёх лет и другие лица, главным образом охотники, а всего 15 человек.

Станкс командовал этим ботом первый год и был ещё неопытным капитаном. Капитан «Юниса» Андрей Нельсон, норвежец, много лет командовал [судном], несколько раз обходил Алеутские острова и в зимнее время был на самом острове Атту, подвергался несколько раз опасности зимой во время бурь и иногда совершал плавание на совершенно обледенелом боте. А в 1932 году ботик «Юнис» был разбит. Потеряв судно своё, А. Нельсон определился матросом на наш бот «Умнак Нэйтив». Со Станксом, как новичком в плавании, у Нельсона во время пути бывали недоразумения. Но Станкс по самолюбию не хотел

слушать опытного морского волка, прекрасно знавшего Берингово море. Советуясь с Нельсоном, Станкс, быть может, спас [бы] вместе с ним и бот, и себя, и людей.

Нельсон, при своей храбрости и опытности, отличался исключительной фигурой: огромного роста, до 6 футов, здоровый, краснощёкий, плечистый, очень спокойный. Он производил сильное и успокаивающее впечатление на людей.

[Однажды,] когда Нельсон ложился спать, я невольно подивился его гигантской фигуре. Заметив это, он хлопнул слегка себя по бедру и кратко, благодушно промолвил: «Двести семьдесят фунтов» (то есть около 10 пудов веса). И полез на верхнюю койку.

...Когда впоследствии бот наш стал на камни, то Нельсон сказал: «Все погибнем. Никто не спасётся». И тогда он сам разделся, привязал бельё на голове, бросился в воду и поплыл на берег... Так передавал один из трёх спасшихся алеутов, бывший на верхней палубе. Но Нельсону не суждено было спастись. Достигши берега и взобравшись на камни, он скончался от холода, застыл. Розыскная партия после нашла его, уже обглоданного лисицами.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Погода вначале благоприятствовала, но через несколько часов начала меняться. Подул сильный ветер и развёл такие страшные волны, с которыми не в силу было справляться нашему 60-тифутовому ботику. И мы мотались среди бушующего моря около пяти суток, заходя иногда в бухточки, где отстаивались по несколько часов.

24 января при сильном северо-западном ветре мы вошли в бухту Инанудак у острова Умнак и отдали якорь, а вскорости и второй. Ветер всё усиливался, и один из канатов не выдержал и лопнул. Переменили место и отдали якорь вновь. Новое место оказалось весьма неудачным, совершенно открытым к морю и с утёсистым каменистым берегом в тылу. В скором времени бот начал дрейфовать в сторону каменистого берега. Капитан не успел предпринять никаких мер к предупреждению опасности, и злосчастный бот тронул первый риф...

Все попытки сойти с камней были тщетны. Машина перестала действовать. А расшвиравшее море гнало бот всё дальше и дальше на риф, непрерывно трепя его о камни, и вскорости положило его на борт в сторону моря. И всей силой страшные

волны обрушились на уже беззащитную жертву... Наступила ночь...

Тринадцать человек, находившихся на борту, разместились так: в штурмовой рубке командир с женой и ребёнком, я и другие семь человек в камбузе, рядом с командиром, и четыре матроса остались на верхней палубе, которые и оставили бот первые. Но Нельсон погиб, а трое спустились по канату тогда, когда волны прибили бот ближе к берегу. И эти трое, как оказалось после, добравшись до берега, ушли в свою деревню на этом же острове, куда дошли на шестые сутки. Здесь они возвестили о гибели бота «Умнак Нэйтив» и всех нас.

Мы же остались на злосчастном боте, ожидая Божия приговора...

СТРАШНАЯ НОЧЬ

В начале катастрофы капитан ободрял всех тем, что бот находится вблизи берега и потому никакой опасности для жизни нет. Но после того, как наступила темнота и бот был положен на борт, мы ясно видели, что боту не выдержать рассвирепевшей стихии. Единственная выходная дверь была обращена в сторону моря, и волны всей своей силой рвались в неё, покрывая всю кормовую рубку. Мы, находившиеся в камбузе, оказались в западне. Единственный путь ко спасению был отрезан, и мы видели, что пришёл наш конец.

В скором времени дверь не выдержала ударов волн и с треском и громом была выбита. А громадная волна ворвалась в камбуз и покрыла нас... Вода доходила до пояса, и хотя электричество ещё горело, но всем было ясно, что последние минуты наступают... Я и все люди начали готовиться к встрече смерти и запели «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», «Правило веры и образ кротости» и другие песнопения... Мы поём молитвы... Море продолжает свою разрушительную работу – а командир кричит в окошечко, соединяющее камбуз с его помещением: «Не шумите, ребёнок спит!»

Вдруг что-то страшно затрещало... Электричество погасло... Громадный вал волны ворвался в наше помещение, сбил всех нас с ног, и мы плаваем и захлёбываемся... Потом я стал на ноги и могу дышать... Волна отхлынула назад, но диакон отец Михаил, весьма слабый от природы, лишился рассудка и, не приходя в сознание, скончался через 5–10 минут, так мне показалось. Море взяло первую жертву с несчастного бота... Как оказалось

потом, бот в это время переломился на две части, и носовой отсек поднялся вверх.

Началось долгое мучительное ожидание неизбежного конца для остальных. Я, всецело предавшись воле Божией, спокойно ожидал своего конца.

Вот где подтвердилась русская пословица «Утопающий хватается за соломинку»! Когда мы сидели впотьмах, по пояс в воде, и сверху лила вода, то каждый из живых старался карабкаться выше из воды. И один из алеутов взобрался мне на шею и уселся... И я отчасти был даже доволен этим, хотя было и тяжело, но алеут прикрывал меня от воды, обдававшей нас волнами сверху через пробитый ими потолок камбуза, и этим немного спасал меня от холода и неприятного ощущения от холодной воды, когда она стекает по шее за воротник. И я покойно сидел по пояс в воде.

Одет я был в подрясник, чулки и меховую шапку. На ногах у меня были валенки, но от воды они набухли и стали жать ноги. Тогда я с трудом сдвинул их с себя. Другие были одеты большей частью в шерстяные хорошие рубахи и брюки, забранные в резиновые сапоги, и в шапки. Тянулись долгие часы. Море бушевало, но шторм не увеличивался. К утру шторм стал стихать, и к малой воде останки «Умнак Нэйтив» были почти на сухом берегу.

МЫ ВЫХОДИМ НА БЕРЕГ

Из восьми человек, бывших в камбузе, к утру осталось живыми четверо. Отец диакон лежал мёртвым, трое других были, вероятно, смыты волной при попытке вырваться из помещения на палубу. Я и трое оставшихся со мною нашли топор и прорубили себе выход на противоположной морю стороне и таким образом по мелкой воде сошли на берег. Все четверо после тринадцатичасового пребывания в закрытом, наполовину заполненном [водой] помещении, почти раздетые, совершенно мокрые и полужастывшие, были совершенно обессилены.

Не отдавая себе отчёта в наших действиях, мы спешили сойти с бота и уйти дальше от него. Обессиленные, истощённые и мокрые, мы падали на колена, но всё же спешили. Куда и зачем? Я оглянулся и вижу, что нигде нет места, которое могло бы укрыть нас от стужи и обогреть. Кругом пустынный скалистый берег, и горы увенчаны утёсами. Я спрашиваю моих спутников: «Куда мы ползём? Ведь не видно ни дома, ни какого-либо

ущелья, где бы мы могли укрыться от холода. А умирать-то можно на каком угодно месте». Но, не отвечая на мой вопрос, [они] продолжали ползти дальше. Взобравшись повыше на травку, я лёг отдохнуть.

Свой подрясник я сбросил с себя ещё в камбузе, так как он от воды сделался очень тяжёлый (он был драповый и на подкладке из шерстяного одеяла), и я не мог в нём двинуться, и без того обессиленный.

Двое из нас уже не в состоянии были двигаться и улеглись на проталинках. А один из алеутов пошёл всё же в гору, и я последовал за ним. Но не долго я мог идти. Утомился я и уселся возле камня, и начал отогревать дыханием руки. Скоро я почувствовал теплоту, и меня начало клонить ко сну... Сознывая, что эти теплота и сон неестественные, ибо в одном свитере мокрым под открытым небом в январе месяце не согреешься, я убоился этой теплоты. С большим трудом поднялся и направился обратно к разбитому боту.

Здесь внутри я нашёл мокрую шерстяную рубашку и пиджак. Всё это я надел на себя и почувствовал настоящее тепло. Затем нашёл выброшенные морем с нашего же бота мандарины, несколько съел и начал собирать на будущее. И, облюбовав местечко между двух камней, начал сносить сюда мандарины и кое-что для устройства какой-либо защиты от холода. Сюда я притащил с берега две небольшие дощечки, спасательный пояс, четырнадцать штук лисьих шкурок, маленькое детское одеяльце и маленький ящик с мандаринами.

Я устроил между камнями подобие гроба. Постелил шкурки, оделся шкурками и одеяльцем и лег отдохнуть в надежде на следующий день продолжать оборудование помещения и собрать запас провизии. Утомлённый, я уснул хорошо. Но на следующий день я уже не мог ходить, ибо ноги отказались служить, и я принуждён был остаться с тем оборудованием и довольствием, которое успел собрать в предыдущий день.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

На устроенном мною смертном ложе между двумя камнями и среди умерших братьев по несчастью (все вышедшие со мною с бота умерли через два-три часа после того, как сошли на берег) на безлюдном диком берегу под открытым небом потянулись длинные часы, а потом и дни моего ожидания Божия приговора. Я провел под снегом и дождём тринадцать суток без нескольких

часов, и только благодать Божия покрывала меня в ненастные дни, а чудодейственная сила удерживала мой дух в немогущей старческой оболочке (мне исполнилось тогда 64 года).

Среди мертвецов на безлюдном берегу я не был одинок. Все дни и ночи я провел в беседе с Богом, Владычицей неба и земли, святителем Николаем, моими Ангелами Хранителями и многими святыми. Я не видел моими грешными глазами небожителей, но чувствовал и слышал небесные речи и извещения. Я жил и надеялся на скорое облегчение моих страданий. С каждым днём мои телесные силы угасали, и я с трудом поворачивался. Несколько раз я был готов к переходу в жизнь вечную и в тяжёлые минуты моих страданий я громко пел: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси, и нас на земле сподоби Тебе славить». Это ангельское славословие укрепляло и согревало меня, и я бодро ожидал своего воскресения.

Два раза я чувствовал особенно близко присутствие смерти, был как бы уже в объятиях её. Всё время я старался быть в движении, двигал и шлёпал ногами, тёр руки. Но после долгих холодных ночей я замерзал всё сильнее, не мог уже и ногами двигать. И начал исповедоваться перед Богом в грехах своих. По окончании этой исповеди перекрестился, закрыл голову шерстяным одеялом, сложил руки на груди, тяжело вздохнул и моментально оказался в какой-то тёплой аллее, как бы в летнее время. И со мною, с правой стороны, я чувствовал, идёт какое-то доброе существо, хотя я его и не видел.

Затем сквозь деревья стал пробиваться свет. Затем я увидел громадное пространство, как бы луг какой, который был наполнен множеством разных народов: русскими, англичанами и так далее, разных полов и возрастов. А дальше открылся старинный красивый город с башнями, золотыми куполами, шпилями, который утопал в цветущих деревьях. Луг тоже был в цветах. Все люди, и старые и молодые, – все веселились... И я почувствовал, что моя душа отделилась от тела, и стал благодарить Бога так: «Благодарю Тебя, Господи, что я так легко и безболезненно перешёл в другой мир!»

Но только я сказал это, как картина совсем сменилась: я снова вижу, что лежу между камнями. И страшно заскорбел, что возвратился снова к жизни. Я сознавал ясно, что это не был сон, ибо если бы это был сон, да ещё от замерзания, то я не проснулся бы, а если бы и проснулся, то совсем с заочеченными членами. Между тем я почувствовал, будто бы я где-то отогрелся:

я снова мог двигать руками и шлёпать ногами. Поэтому я верю, что мой дух отделялся в это время от тела.

Прошло ещё несколько дней, уже не помню сколько. Но только я чувствовал страшные боли во всём теле, извне и внутри. Точно всё оно сжималось, стягивалось. И от этих болей я начал молитвенно кричать: «Господи, услыши Твоего служителя! Ведь я Тебе служу весь мой век! Облегчи мои страдания или пошли моего Ангела Хранителя, чтобы он сократил мою жизнь!»

И вот в это время я почувствовал присутствие моего Ангела Хранителя, хотя его и не видел. И я обращаюсь к нему:

– Я знаю, что ты, мой Ангел Хранитель, здесь. Но ты скажи мне: ты пришёл облегчить мои страдания или сократить мою жизнь?

Получаю ясный ответ:

– Да. Ты получишь облегчение. – Да когда же это будет? – спрашиваю я. – Я не могу больше страдать.

– Ну день... Ну два... Ну много три...

Я запомнил даже интонацию этого голоса. Но это был голос не наш, не человеческий... Ни на что не похож... Никак объяснить его не могу. Но очень ясный... В это же время я увидел: солнце заблестело. И от радости закричал: «Воскресение Твое, Христе Спасе...» и так до конца. Эту стихирю я пел бесконечное число раз. И не помню, сколько времени прошло со времени этого последнего видения... Во время пения слышу уже ружейные выстрелы...

Ещё припоминаю следующее. Берег этот – пустынный. Ближайшее селение находилось в пяти сутках ходьбы через горы. И я видел из живых существ за время моего лежания только ворон и одну лисицу. Она подошла и дико смотрела на меня. Она была шагах в 5–10. Видимо, что готовилась к кушанию. Но я-то сильно обрадовался, увидев живое существо, и обратился к ней: «Лисичка, лисонька, подойди сюда!» Она дико глянула, повернулась и пошла прочь.

А вороны страшно пугали меня – летали и каркали. А одна уселась рядом с моей головой на камне. Я махнул на неё рукой: «Прочь, успеешь ещё». Она отлетела. Но каждое утро они прилетали ко мне и всё осведомлялись, не готов ли я для них...

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

На исходе тринадцатых суток я услышал выстрелы и громко закричал: «Воскресение Твое, Христе Спасе!» Алеуты

услышали и с радостью бросились ко мне. Слёзы радости и благодарности текли по моим щекам, ибо я видел в моём спасении милость Божию. Алеуты так же со слезами благодарили Бога и радовались, что нашли меня живым, ибо они слышали о гибели всех и пришли на место катастрофы, чтобы предать земле погибших.

Немедленно закипела работа. Разожгли костер, содрали с меня всё мокрое бельё и пиджак и завернули в свои сухие. Завернули шею и грудь в сухие лисьи шкуры, приготовили чай и не забыли сделать первую фотографию с меня, полусидячего между двумя камнями. Напоили чаем, затем положили меня на носилки и перенесли в более хорошее и тихое место, где устроили палатку и сложили в ней из камней печь, и положили меня в палатку.

Прибыло девять человек, из коих трое отправлены немедленно обратно в селение Никольское на острове Умнак с извещением о том, что владыку нашли живым с отмороженными руками и ногами. Четыре алеута согревали камни возле печки, которыми обкладывали вокруг меня и оттирали днём и ночью мои замороженные руки и ноги. А двое ходили на охоту и добывали рыбу и дичь для питания. Через несколько суток я почувствовал боль в ногах во время растирания и обращаюсь к алеуту Афиногену: «Потише три, ведь больно же». Афиноген от удовольствия улыбнулся, что кровь начала циркулировать, – значит, ноги спасены! В палатке я оставался с 6 февраля по 14-е, и в продолжение всех дней алеуты оттирали мои замёрзшие руки и ноги.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МОИМИ СПУТНИКАМИ

Для того, чтобы картина гибели людей и моего спасения была вполне ясна, мне нужно возвратиться назад к ночи катастрофы. Как было сказано, все пятнадцать человек разместились так: в капитанской рубке капитан Станкс с женою Ольгой и ребенком Верой, в камбузе я и других семь человек, и на верхней палубе остались четверо человек. Бывший капитан А. Нельсон, не видя надежды на спасение, решил добраться до берега и с этой целью, не сказав никому, бросился в море и добрался до берега. Но организм, очевидно, не выдержал напряжения и холода, и он скончался на берегу.

Сказанное о господине Нельсоне нужно отнести к предположениям, так как свидетелей при сём никого не было.

Розыскная партия потом нашла его обглоданное тело вдалеке от меня, так что я сам его не видел. Я видел только двух умерших, которые оставались со мною. Я их перекрестил уже умерших. А прочие уже лежали умершими в других местах, о них я узнал после. И лишь один из трёх из камбуза, оставшихся со мною в живых, за которым я поднимался выше, ушёл дальше, но и там застыл. Так что из всех двенадцати оставшихся остался в живых я один. А трое с палубы спаслись, как рассказано будет дальше.

Из оставшихся на боте жена капитана Ольга и ребёнок Вера были смыты и унесены волной. Остальные четверо: Станкс, А. Ермилов, Душкин и Штепетин – продержались на борту некоторое время и затем по льяну* спустились на берег. Станкс скончался на берегу сейчас же, а остальные в уверенности, что в камбузе все умерли, бросились бежать к ближайшей охотничьей избе, чтобы обогреться и отдохнуть, а затем идти в село Никольское с печальной вестью.

Все, исключая А. Ермилова, были настолько слабы, что чуть не умерли в пути, и лишь благодаря Ермилову достигли селения Никольское на шестой день после несчастья. В Никольском немедленно была снаряжена партия для розыска того, что осталось от бота, а также для погребения всех погибших. В этом селении была отслужена первая панихида по всем нам. И затем, когда было послано извещение с парохода, то во многих местах служили о мне панихиды. В Нью-Йорке митрополит Платон говорил: «Подождем до завтра». Но на [моё] место уже был предназначен другой, епископ Алексей* .

СНОВА В УНАЛАШКЕ

Партия в девять человек под предводительством А. Ермилова [отправилась] к погибшему боту. По уходе партии прибыл в село Никольское бот «Доротея» с капитаном Ларсеном. Он первый получил печальную весть о гибели и отправился в Уналашку.

Когда в Уналашке получено было извещение о моей смерти, то все алеуты и американцы, проживающие там, приходили

* Льян – очевидно, имеется ввиду лить (от голл. *lijjn*), корабельный трос толщиной меньше 25 мм в диаметре.

** Алексей (Пантелеев; 1874–1948) – с ноября 1934 г. епископ Алеутский и Аляскинский, преемник владыки Антонина в Аляскинской епархии.

к моему сыну и выражали ему глубокое сочувствие в постигшем горе. Но он (как рассказывал мне после сам) принимал эти сочувствия как-то безразлично: «Я не допускал даже мысли, что ты умер. И на другой день я действительно получаю известие, что ты жив, но с отмороженными ногами. И вот тут-то я забегал по учреждениям и властям с просьбой отправить за тобою пароход. Особенно в этом деле помог мне судья Финч. И был отправлен пароход «Пингвин»».

Капитан Ларсен прибыл в Уналашку 12 февраля, и весть о несчастье и гибели моей понеслась дальше...

12 февраля в Никольское прибыл почтовый пароход «Стар», и к этому же времени возвратились двое из розыскной партии с вестью, что из всех людей найден живым, но обмороженным владыка Антонин. Немедленно «Стар» передал по телеграфу эту новость в Уналашку. Судья мистер Финч немедленно попросил разрешения от Бюро оф Фишерис в Сиэтле пароходу «Пингвин» (находившемуся в Уналашке) отправиться и взять владыку Антонина.

В 10 часов вечера того же дня с уналашкинским доктором Вильсоном «Пингвин» вышел по назначению. Утром 14-го высадились на берег бухты Инанудак около обломков «Умнак Нэйтив» и приняли владыку Антонина сверх ожидания в удовлетворительном состоянии. Опасность ампутации для обмороженных рук и ног прошла благодаря тщательному уходу и заботам розыскной партии, и в особенности Афиногена Ермилова. Налицо была крайняя слабость и возможность внутренних осложнений от всего перенесённого.

Вечером того же дня 14 февраля «Пингвин» возвратился в Уналашку, где я был встречен всем населением, как православным, так и инославным. Меня перенесли на носилках, и немедленно весь дом наполнился людьми, желавшими выразить мне сочувствие и принять благословение. С этого вечера начался непрерывный уход за мною местного сестричества, и в особенности миссис Хоуп и миссис Серебрянниковой под руководством доктора Вильсона.

На другой же день с утра начали навещать меня все, как православные, так и инославные американцы, стараясь выразить свое внимание всеми возможными способами, а мои искренние друзья из Штатов и других стран начали слать телеграммы и письма с запросами о состоянии здоровья и поздравлениями с милостью Божией.

В газетах после первого извещения по радио из Датч Харбора (Уналашка) было почти во всех местах напечатано о гибели и смерти епископа Антонина. А потом поступили по радио же известия, что епископа Антонина нашли живым, но с отмороженными ногами.

Благодаря тщательному уходу и заботам всех окружающих я начал быстро поправляться и надеюсь, что в скором времени буду в состоянии выходить и совершать богослужения, а может быть, и путешествовать по делам Аляскинской Церкви, ставшей бесконечно близкой и родной для моей души в тяжёлых испытаниях, опасностях и огорчениях, перенесённых благодаря явному Промыслу Божию, оберегающему и хранящему меня на тяжёлом и опасном пути служения православной Аляске.

Перенесённые тяжёлые испытания и страшная картина кораблекрушения и гибели людей неизгладимо запечатлелись в моей душе. Имена трагических соплавателей: диакона Михаила Тютякова, капитана Ивана Станкса, Ольги и Веры Станкс, Андрея Нельсона, Стефана, Андроника и Георгия Крюковых, Ивана Галактионова, Матвея Суворина и Михаила Безъязыкова – навсегда останутся в памяти и молитвах моих пред Богом.

Тёплое родственное отношение и отеческая благодарность к участникам розыскной партии Афиногену Ермилову, Сергею Соборову, Александру Носикову, Алексею Черкасину, Александру и Захару Крюковым, Дорофею Черкасину, Леонтию Соборову и Ардалиону Ермилову, направленным рукою Промысла Божия и избавившим меня от холодной и голодной смерти, навсегда останутся в сердце моём.

От всей души моей благодарю за скорую помощь и сердечное отношение начальников Бюро оф Фишерис, капитана «Пингвина» Бо, его помощников и весь состав «Пингвина», мистера Финча, всё американское население Уналашки, доктора Вильсона, сестричество за работу и уход, а равно и начальников Кост Гард* , в течение нескольких дней державших наготове крейсер, чтобы перевезти меня в город Сьюард, если того потребуют обстоятельства.

Это распоряжение дано было правительством, вероятно, по просьбе аляскинского губернатора. С крейсера спрашивались, не нужно ли прислать за мною крейсер, чтобы отвезти меня из Уналашки в город Сьюард милях в 600, но я поблагода-

* Береговая охрана США.

рил и отказался. В моём архиерейском доме было хорошо мне, а опасность миновала.

От души и искреннего сердца я благодарю всех пастырей и пасомых, выразивших мне своё сочувствие и возносивших молитвы ко Господу о спасении души моей и о восстановлении моего здоровья. Чувство глубокого удовлетворения и радости наполняет сердце моё в отношении православного населения Уналашки, проявившего особую заботу и внимание после моего возвращения и во время болезни.

Все личные и архиерейские вещи погибли при кораблекрушении: полное архиерейское облачение, мантия с митрой из Иерусалима, панагия вызолоченная с гранатовыми камнями, подаренная митрополитом Платоном, крест старинной работы с камнями из Иерусалима, рясы тёплая и холодная, подрясники, бельё, книги: Евангелие, богослужебные, учебники по разным предметам для приготовления священнослужителей, сребропозлащённые евхаристические сосуды, такой же крест, антиминс и разные мелочи (мои записки и фотографии с начала Великой Европейской войны и до кораблекрушения) и прочее. У охотников, конечно, пропали все лисьи шкуры, даже и те, которыми я укрывался, – от морской воды вся шерсть слезла с них...

Госпожой Меркульевой пожертвована икона для панагии, а церковный староста А. Ячменев сделал для неё оправу из слоновой кости, и получилась панагия. Старейший житель Уналашки И. Сребрянников подарил мне обделанный перламутром крест старинной работы. Вещи простые, малой ценности, но в них сказалась любовь ко мне, и они дороже, чем погибшие чудной работы с драгоценными камнями. Был сделан и клобук. Все эти вещи так милы для меня. Что я решил с этими знаками внимания и любви предстать пред Вечным Судией, когда пройдёт мой час.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ

Оправившись немного, я приступил к исполнению [своих] обязанностей. 5 марта, в воскресенье, я совершил с великим трудом Божественную литургию, по окончании которой говорил слово об обязанностях президента Соединённых Штатов*,

* 4 марта 1933 г. приступил к исполнению обязанностей президента США Франклин Рузвельт.

о его труднейшем служении отечеству в настоящее время и об обязанностях всех граждан помогать ему добросовестным и усердным исполнением своих обязанностей, не считаясь с партийными особенностями. И особенно молить Бога о помощи президенту и укреплении духовных и физических сил его. В заключение слова призвал всех православных и инославных людей помолиться о здравии президента в знаменательный день его входа в Белый дом.

Церковная общественная молитва положила начало объединению отношений между православными и инославными обитателями Уналашки. Многие выражали удовольствие по поводу первого общественного служения, совместного с инославными христианами. А целый день торжественный звон церковных колоколов, как бы сопровождавших господина президента к высокому служению Соединённым Штатам, произвёл сильное и отрадное впечатление на всех жителей Уналашки. К вечеру того же дня я начал готовиться к отбытию в Соединённые Штаты для освидетельствования моего здоровья, вызвавшего опасение после кораблекрушения.

[В тот же день] 5 марта в 9 часов вечера мы с сыном А. А. Покровским-Уайт на пароходе Бюро оф Фишерис «Пингвин» вышли из Уналашки в Сиэтл, напутствуемые сердечными пожеланиями от всех жителей.

Поездка на пароходе «Пингвин» не обошлась без осложнений. Как переживший ужасы кораблекрушения и тринадцатидневного беспомощного лежания на пустынном берегу в зимнее время и под открытым небом, я, по-видимому, заслуживал всякого снисхождения и забот. Но агентам Бюро оф Фишерис почему-то показалось моё решение отправиться в Штаты для медицинского обследования прихотью, и они не разрешили мне поездку на пароходе «Пингвин», единственно удобном для передвижения больным.

Беспомощность моего положения заставила меня беспокоить господина министра с просьбой о разрешении проезда на пароходе. К счастью, моя просьба оказалась успешной. Господин министр сердечно отозвался на неё и разрешил мне проезд на пароходе, к великому огорчению господ агентов, что было видно по их усилиям доказать их бесчеловечную «справедливость» гнусными письмами господину министру и митрополиту Платону.

В СИЭТЛЕ

Господь, чудесно сохранивший мою жизнь во время катастрофы, охранял меня от лукавых людей и не оставлял меня Своею помощью в путешествии по Штатам. Несмотря на то, что в марте обыкновенно бывает бурная погода, мы благополучно пришли к острову Кадьяк. Здесь, переждавши несколько часов, опытный капитан господин Бо взял сокращённый курс от острова Кадьяк на Кетчикан открытым океаном, чем сократил путь до Сиэтла на несколько часов.

Вошли в центральную гавань Сиэтла при благоприятной погоде. На пристани встречали нас протоиерей В. Кувшинов с сыном, господин Ботман, агент Бюро оф Фишерис господин Христофер, корреспонденты газет и многие из русских и американцев. Корреспонденты расспрашивали о катастрофе, пережитой мною с 24 января по 6 февраля во время кораблекрушения и после него.

Агент Бюро оф Фишерис в продолжительной беседе старался выяснить недоразумение, возникшее при перевозке меня на пароходе, причём выражал сожаление и вообще был так любезен, что со стороны могло показаться, что он близкий и родной мне человек или очень усердный религиозный христианин. Но впоследствии оказалось, что он ни то ни другое, а просто фальшивый, бессовестный и без всяких нравственных начал человек. Ибо в тот же день он написал клязу и послал в Вашингтон господину Омали, а последний со своими добавлениями 28 марта препроводил её митрополиту Платону и господину министру. Я ещё не прибыл в Вашингтон и Нью-Йорк, а там уже встречала меня гнусная неприятность. Но Бог хранил Своего служителя, и вся грязь обратилась на клязунников. Возмездие не замедлило, и они скоро получили увольнение от службы.

Сиэтл встретил меня с подобающей честью. Как отец протоиерей, так и все православные люди очень просили, чтобы я совершил Божественную литургию и, как получивший чудесное спасение от смерти, помолился со всеми о всём мире Господу Богу, чтобы Он сократил Своё грозное испытание и дал миру мир.

Сверхъестественное сохранение моей жизни и здоровья произвело сильное впечатление на всех. Многие расспрашивали меня о тех страданиях, которые я переживал во время кораблекрушения и тринадцатидневного пребывания на пустынном

скалистом берегу под открытым небом в зимнее время и без пищи. Я говорю по-английски очень слабо, но, видимо, интерес к чудесной силе Божией, проявленной в моём спасении, был так силен, что все слушавшие старались понять мою речь.

26 марта была совершена мною Божественная литургия в сослужении протоиерея отца В. Кувшинова при пении великолепного сизетлийского хора под управлением Е. Н. Новак. Сердечное и молитвенное исполнение церковных песнопений гармонировало вполне с моим душевным настроением, и я благодарил Бога, сподобившего меня благодарить и славословить Его пресвятое имя в тяжёлое время упадка веры и любви между людьми.

В храме присутствовало много людей православных и инославных. Я беседовал с ними о Промысле Божиим и чудесах, которыми любовь Божия ведёт нас ко спасению. И как яркое и разительное доказательство была изложена история моего страдания и чудесного спасения.

Наглядный пример милости Божией, здоровый внешний мой вид, высокое духовное настроение, глубокая вера в Бога и Его Промысл и не поддающееся описанию тяжёлое страдание произвели сильное впечатление на слушателей, и горячие слёзы стали жертвою сердечной благодарности Богу за Его неизречённую любовь к нам, грешным, во дни тяжёлых испытаний.

ЧИКАГО

[В тот же день] 26 марта в 9 часов вечера я отбыл из Сизетла в Нью-Йорк. На пути остановился в Чикаго, где встретил радушный приём у отца протоиерея С. Снегирёва, но владыку Павла* нашёл в постели и очень больного. Он был очень обрадован моим приездом, но не мог уже много говорить со мною. Всё же поговорили об устройстве и усовершенствовании жизни Православной Церкви как в Штатах, так и на Аляске и много говорили о проявлении силы Божией на мне во время кораблекрушения и тринадцатидневного пребывания на безлюдном острове в зимнее время. Владыка Павел чувствовал, что силы его угасают, а посему очень просил меня провести великие дни Страстной седмицы и Святой Пасхи в Чикаго. Но я должен был

* *Епископ Павел (Гаврилов; 1866–1933) – с 1932 г. епископ Чикагский, с назначенным ему местом пребывания в чикагском кафедральном соборе. Скончался в Чикаго 10 апреля 1933 г. на 67-м году жизни.*

поспешить в Нью-Йорк и, простившись с владыкою Павлом и гостеприимными хозяевами церковного дома, в сопровождении отца архимандрита Тимона и протоиерея П. Симченко выехал в Вашингтон 2 апреля в 10 часов вечера. [Однако] Господу Богу угодно было изменить план моих действий. 10 апреля скончался епископ Павел, и я должен был вернуться из Вашингтона в Чикаго отдать последний долг умершему и затем остался в Чикаго и совершил архиерейское служение на Страстной седмице и в день Святой Пасхи.

Чикагский собор довольно поместительный, но в день Святой Пасхи не мог вместить четвертой части всех желающих встретить великий день в храме. Богослужение совершалось торжественно и продолжительно. Видимо, все души были переполнены радостью Христова Воскресения, и усталости не ощущалось.

Вечернее богослужение я совершил в Михайловском соборе. Настоятель этого храма архимандрит Тимон и церковный староста сердечно встретили меня с хлебом и солью по русскому обычаю. Причём отец архимандрит в краткой сердечной речи выразил свою и своих прихожан радость по поводу чудесного моего спасения от смерти и встречи меня в храме, грядущего помолиться вместе с ними в торжественный день Светлого Христова Воскресения.

После торжественной пасхальной вечерни я приветствовал всех словами «Христос Воскресе!» и беседовал о моём спасении от смерти [происшедшем] для того, чтобы я благовествовал о чудесном Промысле Божиим в настоящие дни упадка веры в Бога. Благословив всех присутствовавших, я отбыл на станцию для следования в Нью-Йорк.

В НЬЮ-ЙОРКЕ У МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА

Громадный мировой город Нью-Йорк с его высоченными небоскрёбами встретил меня не особенно тепло и сердечно. Небо было серое, покрытое дождевыми облаками, и город весь утопал в туманной мгле. Остановился я в апартаментах князя М. А. Гундорова-Русанского и отсюда отправился к митрополиту Платону.

Митрополит Платон встретил меня с радостью и каким-то непонятным для меня недовольством. Разговор начался с того, что я, отправляясь с Уналашки, не заручился разрешением на выезд, оставил Аляску во время Великого поста и перед Пас-

хой. Коснулся разговор моих остановок в Чикаго и Вашингтоне и, наконец, моих визитов. Было понятно, что владыка митрополит сильно возбуждён против меня, почему не придал никакого значения тем ужасам, о которых он знал и которые вызывали сочувствие всей Америки, не только православных людей, но и инославных и которые объясняли моё спасение не чем иным, как только чудесным Промыслом Божиим, сохранившим Своего служителя.

Я разъяснил владыке, что мой выезд с Аляски был вызван необходимостью медицинского освидетельствования моего здоровья и выехал я на случайном пароходе «Пингвин», который мог и не взять меня, и [тогда] я должен бы был остаться в Уналашке, несмотря на необходимость. Других же пароходов, пригодных для перевозок больных, у нас на Аляске не имеется в зимние месяцы, так что и разрешение на поездку было бы излишне, если бы я пропустил «Пингвин».

Что же касается моей остановки в Вашингтоне, так она-то и была главной причиной моего дальнего путешествия на восток Штатов, когда я узнал от доктора, что я в состоянии совершить это путешествие. Мы имеем массу дел, которые служили и служат причиной вымирания и ежегодной гибели аляскинского народа, а также и его религиозного и нравственного падения или совершенствования. Разрешение этих двух вопросов зависит от правительства Соединённых Штатов. И я, как представитель народной жизни Аляски, предпринял мое путешествие в Вашингтон, [где] сделал необходимые визиты господину президенту Северо-Американских Соединённых Штатов, его супруге, некоторым министрам и правительственным лицам, имеющим отношение к Аляске. [Я] изложил [им] мои дела устно и письменно, ознакомил [их] с некоторыми сторонами жизни Аляски и просил удовлетворения моим ходатайствам. Некоторые просьбы уже удовлетворены, а на некоторые я получил обещания удовлетворить [их] по рассмотрении в надлежащих министерствах.

– К вам, дорогой владыка, [– продолжил я, –] я прибыл показаться после ужасного Божьего испытания, доложить о моих ходатайствах в Вашингтоне, просить о соединении Аляски под управлением одного епископа и благословить меня на далёкую, холодную, но родную для меня теперь Аляску для дальнейшего служения Церкви Православной.

Несмотря на мой доклад, владыка митрополит предложил мне занять Питсбургскую кафедру, очистив Аляску для епископа Алексия. Это предложение я не принял, чем вызвал более сильный гнев владыки и предложение обдумать хорошенько перемещение с Аляски и дать ответ.

Мои предположения о возбуждении владыки против меня вполне оправдались. Через несколько дней мы снова встретились, и владыка совершенно согласился с моим взглядом и даже пообещал поддержку в виде присылки более опытных монахов в помощь мне и соединить Аляску под моим управлением.

В воскресенье 23 апреля я служил в кафедральном соборе при многочисленном стечении православных и инославных людей. Чудно пел соборный хор. Во время богослужения я возносился к Престолу Вседержителя, окружённому славословящими ликами Бесплотных, и благодарил Господа, сподобившего меня, грешного, священнодействовать и возносить Ему молитвы за вся человеки в нью-йоркском соборе.

В конце литургии я поведал людям о чудных делах Божиих, творимых в настоящий век упадка веры в Бога. В пример и доказательство я рассказал историю кораблекрушения и моего страдания в продолжении тринадцати дней на пустынном скалистом острове под открытым небом в зимнее время в одних мокрых рубашках. Люди с большим вниманием слушали и благодарили со слезами Бога, проявившего Свою чудодейственную силу над служителем Его святого алтаря.

Вечером того же дня я был приглашён в русскую квартиру П. П. Зубова. Там ожидали меня протоиерей Василий Курдюмов, настоятель храма Христа Спасителя, доктор прав Славянин и несколько мужчин и женщин высшего русского круга. Здесь я также говорил историю пережитого мною страдания, и вся публика слушала меня с большим вниманием. Затем вёлся разговор по поводу церковных разногласий и недовольства управлением митрополита Платона. Сказано было, что митрополит разогнал всю аристократию своим невниманием, а великих княгинь и князей почти порицал в соборе во время панихиды по государыне Марии Федоровне, стоя на кафедре в полном облачении и с жезлом в руке.

Весь рассказ произвёл на меня грустное впечатление. Разбитый этим впечатлением, я почти больной оставил Нью-Йорк и поспешил выехать в Вашингтон 27 апреля в 11 часов вечера.

ВАШИНГТОН

28 апреля в 7:40 утра я возвратился в чудную столицу Соединённых Штатов Америки Вашингтон. Я остановился снова у любезного пастыря Русской Православной Церкви отца Иоанна Дораша.

Мой сын А. А. Покровский в тот же день отправился в государственные учреждения по делам, а я вместе с иеромонахом Ильёй на его же автомобиле отправился в город Балтимор, отстоящий от Вашингтона в 40 милях. Путь лежал через небольшие леса и поля, и я с наслаждением переживал картину давно прошедшего времени, перенёсшись мысленно в родную и дорогую Россию, когда я жил в селе и находился ближе к природе. [Здесь] те же посевы, те же леса, те же речки и ручейки шумно журчат по камышам, только большая разница в людях и сёлах. Здесь роскошные дома и усадьбы фермеров, благоустроенные хозяйственные постройки. Фермеры и их семьи сыты и роскошно одеты. А в нашей дорогой Отчизне дырявые хаты, раскрытые дворы, оборванные и грязные дети, босые и полуголодные крестьяне...

Вот и Балтимор. Балтимор – большой приморский город. [Здесь] очень много проживает православных людей, главным образом чернорабочие. Все они не подчиняются никакому епископу и называются самостильниками. Имеется здесь каменный, просторный, очень хороший храм и при нём трёхэтажный каменный церковный дом. Всем церковным имуществом прихожане распоряжаются по своему усмотрению и имеют вольнонаёмного священника, которого они могут уволить во всякое время, если он провинится в чём-либо. Права голоса в управлении церковными делами он не имеет.

Отец архимандрит Евфимий, ныне служащий при упомянутом храме, видимо, полюбился прихожанам, и они усердно снабжают его продуктами и винами домашнего производства. И, видимо, пастырь живёт в своё удовольствие... Как русский человек, отец архимандрит сейчас же приступил к угощению, и его обеденный стол моментально наполнился разного рода закусками и бутылками с водками, наливками и разными винами – точно как в России в былое время. Разговор не сосредотачивался ни на какой теме, ибо обильное угощение начало овладевать мозгами гостей и хозяина, и каждый старался говорить, а не слушать...

После изобильного угощения мы распростились с радушным хозяином и возвратились в Вашингтон другим путём – через город Анаполис. Погода была тёплая и с ветром. В этот день деревья достаточно распустились и почти оделись свежими нежно-зелёными листьями. Мы проезжали аллеями из зелёных деревьев, сплетшихся своими ветвями через улицу. Весь город принял вид чарующий... Счастливы дети в таком земном раю! Они резвятся в детских играх, бегают, шумят, ловят рыбу и перепрыгивают, босые, с камня на камень через журчащий ручей...

Вашингтон с его чудными правительственными дворцами, художественными памятниками, выдающейся библиотекой и музеями, парками, фонтанами производит чарующее впечатление. Лично я получил в этой мировой столице бывалый успех и утешение. Я не гражданин Америки, но удостоен был большого внимания со стороны президента США господина Рузвельта и всех министров и других государственных лиц. Интересы Аляски дороги и близки им. Они со вниманием выслушивали мои доклады и желания об совершенствовании жизни туземцев. И не только удовлетворили и обещали содействие к достижению поставленной мною цели, но и выражали удовольствие по поводу моих стремлений.

Выезжая из Вашингтона, я полон восторженных чувств и благодарности к господину Рузвельту и его помощникам и скорблю, что не могу достойно отблагодарить их за их дела и стремления к совершенствованию жизни их народа. И только в сердечной молитве, склоняясь пред Богом, прошу Его о сохранении жизни господина Рузвельта и его помощников и помощи им в высоком служении Отечеству.

АЛЯСКА. ПОСЛЕДНЕЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

На пути из Вашингтона я остановился на более продолжительное время в Сиэтле. Здесь я совершил богослужение и посетил нескольких лиц. Также был приглашён в Американское женское общество на банкет, где сделал маленький доклад о чудесном моём спасении от смерти. Сделав необходимые покупки для Аляски, я, напутствуемый благопожеланиями многих русских и американцев, отправился к месту моего служения на Аляску на пароходе Кост Гард «Нортланд».

Прибыли в Уналашку в середине месяца мая. Отдохнув от пути с неделю, я отправился на пароходе «Норт Стар»

на реки Кускоквим и Юкон. Это путешествие было первым и последним, так как по возвращении из него я получил уведомление из НьюЙорка о разделении Аляски на три части, [по которому] реки Кускоквим и Юкон отходили от меня. Но всё же я получил от этого путешествия большое удовольствие и горькое разочарование.

Удовольствие большое представляет собственно путешествие по рекам на газолиновых ботах, которые мчатся с невероятной быстротой, и перед глазами тянется сплошная зелёная береговая полоса, покрытая чернолесьем. Селения и рыбацкие хаты попадаются очень редко, а посему приходилось располагаться на песчаных берегах для ночного отдыха или для обеда. Но большое огорчение я получил от посещений православных приходов. Миссийские храмы пришли в окончательный упадок. Некоторые из них не могут быть и восстановлены и дожидаются своего конца. Численность православных людей сократилась, и записей их не ведётся. На всём пространстве имеются четыре священника, да и те совершенно без пастырского образования и богослужение совершают с трудом на английском языке.

По рекам Кускоквим и Юкон проживают главным образом эскимосы. Занимаются [они] рыбной ловлей и охотой. В прежние время все они были православными, а в настоящее время переменились на католиков и сектантов. Встречали меня с великим почтением и рассказывали, что их отцы да и сами они были православными и их посещали православные священники. Потом много-много лет [они] не видели православных священников и переменили веру. Провожая меня, они просили, чтобы я заезжал к ним ещё.

Католические и других вероисповеданий и сект миссионеры имеют большой успех на Аляске, но причиной тому Православная Миссия. Аляску оставили без священников или отдали в руки коммерсантов-священников и совершенных невежд, которых люди не слушают или боятся, как хищников, и потому разбредаются по другим исповеданиям и сектам, но в душе они остаются [или] православными, или совершенными безбожниками.

Возвратился я с Северной Аляски, этим походом закончив обозрение всей Аляски, и прихожу к печальному выводу о нашей Православной Миссии. Нужны миссионеры, нужны школы, необходимы ремонты и постройки храмов и церковных домов.

А для всего этого нужны деньги, а денегто и нет... Но самый главный бич для Православия на Аляске – это наш центр нью-йоркский. На Аляску никакого внимания и забот. И в заключение раздел Аляски на три викариатства...

Живи Аляска отдельной самостоятельной епархией, она могла бы общими силами создавать необходимое для церковной жизни, могла бы на первое время сделать вызов священников из Европы. Но разделённые клочки совершенно обессилены, и нужно теперь ожидать смерти Православия на Аляске... Но, верно, такова воля Божия, чтобы взять из слабых рук руководство Аляской и передать в более сильные и надежные...*

** В 1934 г. владыка Антонин был переведён на Восточное побережье США для помощи митрополиту Платону по управлению восточноамериканскими приходами, которые были весьма многочисленными. С этого времени и вплоть до выхода из так называемой Американской Митрополии владыка Антонин именовался епископом Балтиморским.*